

УДК 821.112.2.09-3+929Людвиг

МЕСТО ЭМИЛЯ ЛЮДВИГА В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ БИОГРАФИИ

Елизавета Андреевна Иванова

аспирант кафедры зарубежной литературы и журналистики

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83. elivan1988@gmail.com

В статье уточняется место знаменитого в 1920–30 гг. немецкого биографа Эмиля Людвиг в истории немецкой биографии. Биографическое творчество создателя немецкой беллетризованной биографии впервые рассматривается не в контексте его эпохи, а в соотношении с национальной традицией жанра. На примере трех текстов, биографий «Гёте. История человека» (1920), «Наполеон» (1924) и «Вильгельм II» (1925), анализируются особенности конфликта и проблематики биографий Э. Людвиг. Сравнение результатов анализа с данными о жанровых конвенциях немецкой биографии XVIII–XIX вв. из работ немецких литературоведов позволяет проследить преемственность Э. Людвиг по отношению к предшествующей традиции жанра.

Ключевые слова: жанр биографии; немецкая биография; Э. Людвиг; история биографии.

Знаменитый немецкий биограф 1920–1930-х гг. Эмиль Людвиг рассматривается в посвященной ему критической литературе преимущественно в контексте своего времени и в связи с изменениями в жанре биографии, происходившими в этот период. О Людвиге пишут как о представителе интернационального направления «новой биографии», центральными фигурами которого были британец Джайлс Литтон Стрэчи и француз Андре Моруа. На немецкой почве Людвиг стал ключевой фигурой в так называемом «споре об исторической беллетристике», разгоревшемся в Германии в 1928–1932 гг. Данная статья посвящена задаче вписать Людвиг в более широкую картину развития немецкой биографии.

В своих биографиях Людвиг стремится показать историю души своего героя, его личностное развитие [Pegrey 1992: 174]. При этом в личности рассматриваемого героя выделяется некий ведущий внутренний конфликт, оказывающий решающее влияние на всю его судьбу и выступающий также в роли основного конфликта биографии. Рассмотрим характер этих конфликтов на примере трех наиболее известных и популярных биографий Людвиг: «Гёте. История человека» (1920), «Наполеон» (1924) и «Вильгельм II» (1925). Все они переведены на русский язык, но не привлекли к себе особого внимания нашего читателя, потому что переводы на несколько десятилетий запоздали и подтвердили установившуюся в современной критике репутацию Люд-

вига скорее как «крепкого» беллетриста, чем как художника-творца. Однако прижизненная слава Людвиг основывалась не только на его внимании к великим людям прошлого, но и на его новаторстве в биографическом жанре. Это новаторство заключалось, в частности, в выдвигении в центр произведения особого типа конфликта.

В биографии Гёте (1920) Людвиг попытался в противовес традиционному изображению гармоничного, богоподобного Гёте-олимпийца показать его жизнь как историю непрерывной внешней и внутренней борьбы [Ludwig 1926: I, XV]¹. Ведущим здесь является конфликт в душе поэта двух сил, получивших имена Демона и Гения. Демон связан со страстями, импульсивностью, эросом, а также активным взаимодействием с миром. Гений же обуздывает Демона благодаря воле и разуму, дает возможность преобразовывать жизненный опыт в творчество. Это оппозиция земного, страстного, порывистого начала и начала волевого, разумного, творческого. Такое понимание образа Гёте строится с опорой как на высказывания самого поэта о природе демонического (см.: [Эккерман 1981]), так и на содержание статьи Ф.Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795–1796), где тот приписывал Гёте демонические природные свойства – в его терминологии «наивные» (см.: [Шиллер 1956]). Метафорические образы Гения и Демона постоянно следуют за героем по страницам биографии. Вот только несколько примеров: «“Ге-

нию"! Вот написано слово, которое наполовину будет властвовать над его жизнью, потому что с Гением в нем борется другая исконная сила, Демон: такова будет история этой души» (I, 62); «В эти годы борьба между Демоном и Гением больше уходит внутрь в качестве борьбы между *vita activa* и *vita contemplativa*» (I, 370); «...здесь впервые можно сказать: украшенные Гением, не притесняемый Демоном, любимый и любящий. Гете наслаждается» (II, 206); «его жизнь (Байрона. – прим. авт. ст.) во всем была противоположностью жизни Гете: Демон, подчиненный Гением, существование в борьбе с собой, искусное возведение стен от окружающего мира, стремление к любой деятельности, чтобы спастись от себя, осознанное замыкание в узком пространстве, обращение внутрь себя» (II, 481)². При этом эти фигуры остаются, однако, слишком бесплотно-абстрактными, лишенными конкретных черт, чтобы стать аллегорией. Победу в этой растянувшейся на восемь десятилетий борьбе Людвиг отдает Гению.

Однако внимательное чтение показывает, что автор не дает четких обоснований своему утверждению об этой победе. С точки зрения Людвиг, она оказывается обусловлена спасением Фауста в финале трагедии (II, 640–641). Чтобы сделать такую трактовку убедительной, биограф в тексте многократно уподобляет автора его персонажу и наоборот. Этот несколько наивный подход к пониманию взаимосвязей между жизнью и творчеством весьма характерен для Людвиг, им пронизан весь текст биографии Гете. В художественных текстах своего героя автор стремится найти не только непосредственный отклик на события его жизни, но и ответы на вопросы о ней.

Напомним, что Шиллер в работе «О наивной и сентиментальной поэзии» противопоставлял гетевский тип «наивного», интуитивного поэта поэту рефлексивному, или «сентиментальному», в котором описал свой собственный тип творчества. Позже в немецкой философии эта оппозиция превратилась у Ницше в оппозицию стихийного гения – дионисийства и художника, руководствующегося разумом, или художника аполлонического склада. Под влиянием Ницше в современной Людвигу немецкой культуре эта бинарная оппозиция проявляется в творчестве многих художников, у каждого приобретая своеобразные черты и свою терминологию для обозначения этих полюсов творческого склада. Десять лет спустя после написания биографии Гете свою автобиографию «Подарки жизни» (1931) Людвиг строит на мысли о необходимости сочетания в одном человеке черт творца и практика, «Weltmann» и «Dichter» в его терминологии. Из

автобиографии следует, что после чисто эстетских увлечений юности в зрелом возрасте он видел свою силу как человека и литератора в этом обретенном им сочетании качеств. По мнению М. Лонгейкера, именно создавшийся эффект узнавания, обнаружение сходства между внутренним конфликтом Гете и своим собственным, и привлекло Людвиг в истории жизни великого поэта и подвигло на написание биографии [Longaker 1934: 144–145]. Это подтверждает и сам Людвиг, прямо говоря, что Гете стал для него образцом для подражания [Ludwig 1931: 502].

Наибольший успех принесла Людвигу биография Наполеона (1924), ставшая первым международным бестселлером родом из Германии после Первой мировой войны. Основной конфликт здесь подчеркивается не так настойчиво, как в «Гете». Он развивается на протяжении всего текста и, меньше тяготея к аллегоричности, выглядит заметно более органично, чем в первой биографии Людвиг. Если Демон и Гений Гете предстают почти самостоятельными действующими лицами, подталкивающими поэта к различным действиям, то «математик» и «фантазер» остаются определениями Наполеона [Ludwig 1925: 587–589]³. «Математик» отвечает за расчет во всех смыслах этого слова, за обращение с информацией, точность и внимание к деталям. «Фантастическая» же часть натуры Наполеона позволяет ему стремительно импровизировать, действовать нестандартно и создать в итоге колоссальную империю. В оправдание использования такого противопоставления Людвиг опирается на слова одного из современников Наполеона, приводя их вместе со своим комментарием: «"Его считали не то математиком, не то фантазером". Что, если он был обоими и именно из-за того – гением?» (63). Противоположности получают на протяжении биографии разные названия. С одной стороны оказываются «математика» (13), «вычислитель (или расчетчик)» (126, 359), «число» (359, 361), «расчеты» (456, 571), «системы» (587), с другой – «поэзия» (23), «фантазер» (126, 359), «фантастическая часть его натуры» (213), «фантазия» (359, 456, 587), «мечты» (361), «рапсодические планы» (371), «чувство» (571). Сюда же можно отнести замечание Людвиг в конце биографии: «Он ценил чувство выше, чем мышление...» (591).

В отличие от биографии Гете, где часто появлялось упоминание либо Демона, либо Гения, в биографии Наполеона автор рассматривает прежде всего взаимодействие враждебных друг другу начал в душе своего героя. В открывающем пятую книгу биографии развернутом рассуждении об основных качествах Наполеона Людвиг приходит к следующему выводу: «...мелкие ве-

щи он точно рассчитывает наперед, а планы мирового масштаба в зависимости от обстоятельств развивает, меняет, импровизирует» (588). Математика играла для императора основную роль в принятии конкретных краткосрочных решений, а фантазия открывала новые глобальные перспективы. При этом, вопреки утверждению биографа о том, что вопрос о мировом господстве решал исход «старой битвы между числом и фантазией в душе Наполеона» (359), в большинстве случаев мы наблюдаем в тексте либо их успешное взаимодополнение («так близки и сегодня ... точные наблюдения отца страны и поэтические планы завоевателя мира» – 371), либо их одновременный отказ. До тех пор, пока фантазер и математик находятся в гармонии и уравнивают друг друга, Наполеон действует успешно. Перекос в сторону любой из сторон ведет к серьезным ошибкам: «математик» не может понять размера угрозы партизанской войны в Испании (359), но «фантазер» может увлечься невыполнимыми и потому опасными для политического деятеля идеями, такими, как недостаточно качественно подготовленная война с Россией или установление мирового господства (285, 360).

Биография Вильгельма II, последнего кайзера Германской империи, стала политической сенсацией и во многом спровоцировала начало так называемого «спора об исторической беллетристике» («Streit um die historische Belletristik»), отразившего остроту политической ситуации в Германии конца 1920-х гг. (см.: [Gradmann 1993]). Эта биография из всех работ Людвиг наиболее близка к восприятию элементов психоанализа. Людвиг уделяет большое внимание вопросу о влиянии на характер и убеждения кайзера его трудных отношений с матерью. Любовь-ненависть, которую он питал к ней, Вильгельм перенес и на ее родину, Великобританию [Ludwig 1976: 16]⁴. А главное внутреннее противоречие жизни Вильгельма II, по Людвигу, связано с его попытками компенсировать и скрыть свою физическую неполноценность: в результате тяжелых родов мальчик появился на свет с травмами плеча и шеи и наполовину парализованной левой рукой, и всю жизнь вынужден был скрывать и пытаться преодолеть эти недостатки. Сложившийся в итоге внутренний конфликт этой личности Людвиг описывает как «geistig begabt, körperlich geschwächt» (9) – сочетание способностей и силы духа с физической неполноценностью. Фатальной для последнего императора Германии становится необходимость при таких данных осуществлять военную карьеру и соответствовать образу достойного потомка великих прусских королей. Вильгельм оказывается «приговоренным к вечной униформе штатским»

(422), он обречен на бесконечные усилия ради соответствия образцам, для него в реальности недостижимым, вместо того чтобы найти своим способностям более адекватное применение. Это приводит к многократно подчеркнутому в биографии противоречию между действительностью и видимостью, характерному для всей деятельности Вильгельма. Можно сказать, что конфликт в этой биографии имеет в результате более сложную структуру по сравнению с предыдущими. Антитеза «Geistig begabt, körperlich geschwächt» образует его первый уровень, над которым надстраивается второй: несоответствие реальных способностей требованиям, предъявляемым к личности внешним миром, и, как итог этого противоречия, склонность к своеобразному эскапизму, лицедейство как основа образа жизни. Все нарастающий отрыв героя от действительности ведет его самого и его страну к катастрофе.

Рассматривая вместе главные движущие конфликты трех знаменитых биографий Людвиг, можно обнаружить между ними существенное сходство. Одной из сторон этих конфликтов становятся Гений, фантазия и духовная одаренность – понятия, принадлежащие одному семантическому полю, связанному с творчеством, погруженностью во внутреннюю жизнь и преимущественно созерцательным отношением к миру. С другой стороны оказываются витальный и деятельный Демон, реалистичный, расчетливый математик и физическая слабость, по необходимости скрываемая под маской силы. В качестве их объединяющего признака можно выделить ориентированность на окружающий мир и активное взаимодействие с ним. Таким образом, не только «Гете», но все три биографии оказываются объединены важной для всех работ Людвиг темой сосуществования и взаимодополнения деятельной и творческой сторон внутри одной человеческой личности, «Dichter» и «Weltmann». В случае Вильгельма II недостаточное развитие одного из этих полюсов вызывает деформацию личности. Наполеон стоит на вершине мировой политики, только пока сохраняет равновесие между двумя сторонами характера. Гете на протяжении всей жизни ведет упорную борьбу за их гармоничное сочетание, что, с точки зрения Людвиг, и обуславливает в итоге величие и обаяние этой фигуры в глазах потомков.

Однако вопрос о деятельной и созерцательной жизни, их сравнительной ценности и поиске жизненной гармонии не только важен в рамках творчества Людвиг, но и является одной из ключевых проблем для всей истории немецкой биографии. Ее наиболее авторитетный исследователь, Х.Шойер, автор монографии «Biographie:

Studien zur Funktion und zum Wandel einer literarischen Gattung vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart» (1979), рассматривает все развитие немецкой биографии в XVIII и XIX вв. именно с точки зрения этой проблемы.

XVIII в. стремился к созданию образцов, на которые можно было бы ориентироваться набирающему силу слою образованных бюргеров. Авторы биографий обращались поэтому к живо-трепещущим эстетическим, духовным и научным вопросам, политически окрашенным. В это время материалом для биографий становятся жизни таких личностей, как М. Лютер, Дж. Кук, У. фон Гуттен, и они изображаются как люди, сочетающие в своей жизни мысль и действие. Гердер показал фон Гуттена как «не только писателя, но и агитатора общественности», М. Лютера – как «борца, который для него не просто революционер в теологии» [Scheuer 1979: 35]. «Георг Фостер своего Кука, Гервинус самого Фостера изобразили действующими и думающими людьми» [там же: 81], – подчеркивает исследователь. Особое внимание Шойер уделяет очерку И.В. Гете «Винкельман и его время» («Winckelmann und sein Jahrhundert»), написанному в 1805 г. Принципиально важным для этого текста является понятие гармоничной цельности, «Ganzes», которое появляется на первых же страницах и проходит через весь очерк красной нитью. Сама ценность жизни каждого человека для общества и будущих поколений определяется сочетанием в нем природных способностей и умения соотносить и обогащать образы своего внутреннего мира за счет явлений внешнего [там же: 46].

В биографии XIX в. это ощущение цельности утрачивается, гетевская модель равновесия активной и созерцательной жизни распадается. Немецкая биография разделяется на два основных направления: историко-политическое и культурно-историческое [там же: 55]. В рамках первого приоритет отдается не духовным, а политическим достижениям, в качестве новых образцов выводятся выдающиеся деятели прусской истории, которая постепенно подменяет собой общенемецкую, человеку предписывается подчиниться государству. Это направление биографии занимает очевидно пропрусскую позицию и служит конкретным политическим целям [там же: 76–77]. Напротив, в культурно-исторической биографии все внимание направляется на духовную сторону деятельности героев, которые выбираются преимущественно среди деятелей культуры, предпочтительно писателей [там же: 80]. Материальная сторона жизни здесь отходит на задний план, о внешних событиях сообщается только при их непосредственной привязке к

творчеству, они складываются в постепенно становящуюся общепринятой формулу стандартного жизненного пути творческой личности: от впечатлений детства через взросление к высшей творческой фазе и затем к смерти [там же: 92–93]. Политические вопросы в биографиях этого типа открыто не затрагиваются или предстают в эстетизированном виде как своего рода спектакль, наблюдаемый со стороны [там же: 80]. Герои культурно-исторических биографий, подобно романтическим художникам, стремятся подняться над средой и жить в некоем эстетическом «высшем мире» («höhere Welt»). Этот мир искусства, науки и культуры оказывается как бы автономен от мира повседневного. «Величие человека состоит именно в том, чтобы подняться над будничной жизнью» [там же: 98]. Они фактически убегают от реальности в свой мир созерцания и творчества, причастность к этому «высшему существованию» становится для них своего рода компенсацией за отсутствие заметных достижений в современной общественной жизни [там же: 98–103].

Активная деятельная и созерцательная творческая жизнь в немецкой биографии XIX в. оказываются резко разведены, преданность одной из сторон этой антитезы представляется как заслуга и фактически исключает присутствие второй стороны.

После такого подчеркнутого разделения этих сфер Э. Людвиг как бы через головы непосредственных предшественников вновь обращается к гетевскому идеалу гармонии между действием и созерцанием. Биографии Людвиг становятся новым витком развития этой темы в истории жанра в Германии. Согласно Людвигу, гармонический идеал оказывается труднодостижимым и требует от героя постоянной осознанной и целеустремленной работы над собой; дисгармония переносится внутрь человеческой личности, и именно разрешение противоречия между активным действием и созерцанием, рефлексией представляется путем к полноценной самореализации. Такой подход соответствует духу интернациональной «новой биографии», которая в противовес лакировочной биографии XIX в. с ее идеализированными образами стремилась подчеркнуть и исследовать сложность и неоднозначность человеческой души; одновременно он свидетельствует об укорененности немецкой разновидности жанра в национальной традиции.

Примечания

¹ Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и номеров страниц в круглых скобках.

² Все цитаты из произведений Э. Людвиг приводятся в переводе автора статьи.

³ Далее ссылки на это издание даются с указанием номеров страниц в круглых скобках.

⁴ Далее ссылки на это издание даются с указанием номеров страниц в круглых скобках.

Список литературы

Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии. URL: <http://lib.rus.ec/b/385883> (дата обращения: 26.06.2013).

Эккерман П. И. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. Н. Ман. URL: <http://lib.rus.ec/b/389376> (дата обращения: 26.06.2013).

Gradmann Ch. Historische Belletristik: populäre historische Biographien in der Weimarer Republik. Frankfurt-a.-M.: Campus, 1993. 256 S.

Ludwig E. Geschenke des Lebens; ein Rückblick. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1931. 865 S.

Ludwig E. Goethe: Geschichte eines Menschen. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1926. 2 Bd.

Ludwig E. Napoleon. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1925. 695 S.

Ludwig E. Wilhelm II. Berlin: Herbig, 1976. 510 S.

Longaker M. Contemporary Biography. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1934. 256 p.

Perrey H.-J. "Der Fall Emil Ludwig" – Ein Bericht über eine historiographische Kontroverse der ausgehenden Weimarer Republik // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1992, Heft 3. S. 169–181.

Scheuer H. Biographie: Studien zur Funktion und zum Wandel einer literarischen Gattung vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1979. 312 S.

THE PLACE OF EMIL LUDWIG IN HISTORY OF GERMAN BIOGRAPHY

Elizaveta A. Ivanova

Post-graduate Student of Foreign Literature and Journalism Department
Saratov State University

The paper focuses on the place of the famous in the 1920–30s German biographer Emil Ludwig in the history of German biography. For the first time the biographic creative writing of the founder of novelistic biography has been regarded not in its historical context, but in correlation with the national tradition of the genre. On the data of the three texts, biographies «Goethe» (1920), «Napoleon» (1924), and «Wilhelm II» (1925) the characteristics of the conflicts and problems of Ludwig's biographies are analysed. The comparative analysis of the results with the data about the genre conventions of German biography of the XVIII–XIX presented in the works of German literary critics allows tracing continuity of E. Ludwig's works in the predecessor genre tradition.

Key words: biography as literary genre; German biography; Emil Ludwig; history of biography.